

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Центральным и наиболее действенным средством противодействия преступным посягательствам является свод уголовно-правовых установлений. От их эффективности, по сути, зависит результативность всей социальной политики государства и ее специального сегмента — уголовной политики в сфере обеспечения государственной безопасности и, прежде всего, общественной безопасности. Поэтому

вопросы эффективности норм уголовного закона, в контексте противодействия преступлениям, вряд ли можно рассматривать как чисто риторические.

Стремление органов власти к интенсификации уголовно-правового воздействия обусловлено, в первую очередь, необходимостью защиты наиболее значимых социальных отношений и, в конечном счете, достижения искомого социального результата — без-

опасности личности, общества и государства. Кроме того, важность повышения эффективности норм уголовного закона еще более актуализируется в условиях крайне неблагоприятных изменений структуры и динамики преступности. Поэтому проблема повышения эффективности современного арсенала уголовно-правовых средств борьбы с преступностью, становится в круг важнейших задач в сфере обеспечения общественной безопасности.

К сожалению, ныне действующий Уголовный кодекс РФ 1997 г. (УК РФ) оказался самым репрессивным по предусмотренным санкциям за всю историю страны с 1917 г., включая законы сталинского режима. При сохранении в перечне наказаний смертной казни (ст. 59 УК РФ), впервые вводится пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ), которое задумывалось и поддерживалось противниками смертной казни лишь в качестве ее альтернативы. Максимальный срок лишения свободы предусмотрен в 20 лет (в УК РСФСР 1926 г. — до 10 лет, в УК РСФСР 1960 г. — не свыше 15 лет), по совокупности преступлений — до 25 лет, а по совокупности приговоров — до 30 лет (ст. 56 УК РФ)! Таких сроков лишения свободы не знало советское уголовное законодательство¹. Сталинский Закон 1932 г. и его же Указы 4 июня 1947 г. (увеличение возможного срока лишения свободы до 25 лет) носили одиозный, временный характер и были отменены после смерти И.В. Сталина.

Одновременно УК РФ отказался от института отсрочки исполнения приговора, что автоматически усилило репрессивность наказания, особенно в отношении несовершеннолетних², которым ранее такая отсрочка нередко предоставлялась судами (в 90-е гг. минувшего века — 17-19% от числа всех осужденных и 40-49% от числа осужденных несовершеннолетних).

В настоящее время, наибольшее распространение получил взгляд на эффективность норм права как на соотношение между фактическими результатами их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты³.

Соответственно эффективность норм уголовного закона, видимо, следует понимать как результативность воздействия на потенциальных субъектов преступлений, где результатом является их отказ от нарушения норм уголовного закона. Иными словами «момент истины» в виде позитивного уголовно-правового эффекта, видимо, следует искать в соотношении между фактическим результатом действия уголовно-правовых норм и той социальной целью, для достижения которой эти нормы были приняты. Поэтому индикатором качества уголовного закона может быть только сам социальный аспект.

Здесь же следует обратить внимание на двойственный характер эффективности уголовного закона, проявляемый в юридической и социальной природе удержания от преступления.

Таким образом, с *юридической* точки зрения эффективность уголовного закона понимается как соответствие поведения субъектов правоотношения требованиям, закрепленным в нормах соответствующего свода законов. В контексте *социальной* эффективности, простого исполнения требований норм уголовного закона, видимо, недостаточно. Здесь должно быть осмысление по-настоящему глубинных процессов правового регулирования, в том числе, решения социальных задач, находящихся за пределами непосредственной сферы правового регулирования. В данном случае это фоновые явления по отношению к фактам непосредственного нарушения требований уголовного закона (соотношение криминальных процессов с фактами совершения конкретных преступлений).

Вместе с тем, отечественная уголовно-правовая доктрина долгое время базировалась на достаточно поверхностном представлении о механизме непосредственного воздействия норм уголовного закона на адресатов этого воздействия (субъектов преступлений)⁴. По сути, она была «отгорожена» от статистической и иной информации о реальных процессах, происходящих в сфере борьбы с преступностью, и довольствовалась формально-логическим толкованием текста закона⁵.

Положение начало меняться значительно позже, в начале 60-х годов, когда наиболее прогрессивными исследователями механизм правового регулирования стал увязываться с правосознанием участников правоотношений⁶. Следующим шагом в теоретиче-

¹ См.: Белослудцев В.И. Особенности уголовного наказания в виде длительных сроков лишения свободы // Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / Под ред. В.П. Ревина и Р.А. Базарова. — Челябинск, 2003. — С. 94.

² См.: Белослудцев В.И. и др. Проблемы социализации и организации профилактики преступлений воспитанников детских домов, школ-интернатов и воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных. — Екатеринбург, 2000. — 118 с.

³ См.: Власенко Н.А. Язык права. — Иркутск, 1997. — С. 18.

⁴ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. — М., 1966. — С. 34.

⁵ См.: Гришанин П.Ф. Механизм уголовно-правовой борьбы с преступностью // Труды Академии МВД РФ, 1997.

⁶ См.: Шабалян В.А. Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. — 1969. — № 10. — С. 125.

ской разработке механизма правового регулирования было обоснование его связи с социальными условиями (детерминантами) жизни общества⁷. Проблема эффективности уголовного закона наиболее активно стала разрабатываться в 70-х годах прошлого столетия. Коэффициент эффективности чаще всего рассчитывался по критерию неотвратимости ответственности за каждое совершенное преступление. При этом вычленялась конструктивная погрешность закона, обуславливающая нарушение принципа неотвратимости ответственности из ошибок правоприменения.

В указанный период все «шероховатости» уголовного закона чаще всего обуславливались неправильной криминализацией либо декриминализацией деяний. Реже — являлись следствием неудачных формулировок диспозиций норм либо необоснованности санкций.

Вместе с тем, практически не изучались причины неэффективности уголовного законодательства, детерминируемые: его пробельностью; противоречиями между нормами Общей и Особенной частей УК РФ; конкуренцией между общими и специальными нормами; нестыковками с иными нормативными актами при бланкетном характере норм УК РФ; неудачным использованием ключевых признаков преступлений и пр.

Несмотря на достаточно весомый опыт изучения названной проблемы и сегодня значительное число авторов, не отрицая социальной обусловленности уголовно-правовых норм, в своих научных исследованиях фактически ограничиваются рассмотрением лишь казуальных аспектов механизма эффективности норм уголовного закона. Такая практика, к сожалению, не только обедняет современную уголовно-правовую науку, но и не дает ей развиваться. По сути, многие современные монографические исследования во многом строятся на пространных рассуждениях авторов и не отражают реальных тенденций, происходящих в криминальной сфере. Вряд ли такого рода научные изыскания имеют теоретическую и тем более какую-либо практическую ценность.

Далее следует отметить, что нормы уголовного закона реализуются в различных формах и достаточно неоднородны по своему содержанию. В частности, по форме можно выделить: нормы-принципы, нормы-целелеказания, нормы-фиксаторы проблемной ситуации; поощрительные и компромиссные нормы; нормы, определяющие статус субъектов уголовных

правоотношений; нормы-требования к свойствам конечного результата деятельности указанных субъектов и т.д.

По содержанию наиболее распространены дефиниции, направленные на удержание лиц от действий, признанных в соответствующем своде законов противоправными. В связи с отмеченным и роль уголовной политики по обеспечению общественной безопасности в части практической реализации требований норм уголовного закона должна рассматриваться двояко, а именно — с содержательной и формальной сторон.

Видимо, единство формы и содержания, а, по сути, — буквы и духа уголовного закона, и есть основная задача, стоящая перед субъектами обеспечения общественной безопасности. Содержание фундаментальных задач уголовного закона, как известно, очерчено ч. 1 ст. 2 УК РФ. Регламент основополагающих принципов сформулирован в ст.ст.3-7 УК РФ.

Все это разнообразие норм УК РФ, по сути, — создание оболочки позитивного уголовного права как одного из условий достижения желаемого обществом правоохранительного эффекта в виде снижения преступности до максимально возможного уровня.

В этой связи вопросы повышения эффективности уголовно-правовых средств воздействия относятся к числу коренных. От решения этой проблемы зависит и то, какой путь достижения указанных задач будет избран: чисто интуитивный, предполагающий метод «проб и ошибок», а, по сути, — «эксперимент в виде допроса общества под пытками», либо осмысленное движение к рациональному решению проблемы сдерживания преступности.

Хорошо известно, что реальное содержание упомянутого механизма можно объективно оценить лишь в результате глубинного анализа всех его элементов. К их числу относятся:

- 1) признание органами власти феномена преступности в качестве неотъемлемого спутника социального бытия;
- 2) определение четких научно обоснованных задач уголовной политики;
- 3) формирование концептуальной основы совершенствования уголовно-правовых средств противодействия преступности;
- 4) совершенствование системы правоохранительных органов;
- 5) периодическая оценка и определение путей повышения эффективности уголовной политики;
- 6) формирование политической воли по неуклонному следованию принятым антикриминальным решениям.

⁷ См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. — М., 1983.

Здесь же следует обратить внимание на то, что в юридической литературе регулятивной функции права посвящено значительное число исследований. Результатом соответствующих научных изысканий стало общее признание того, что среди функций уголовного права первое место занимает социально-превентивная функция, т.е. общее и специальное предупреждение.

Само по себе устрашение, являясь проявлением социально-превентивной функции, обеспечивается карательным содержанием уголовно-правового воздействия. Уголовное право существует потому, что общество не может обеспечить желательное для него поведение людей только средствами морали или средствами других отраслей права.

В данном случае нельзя не отметить, что в механизме уголовно-правового устрашения важную роль играют представления населения о надлежащей или ненадлежащей суровости наказания, корреспондирующей с определенными видами преступных посягательств. Соответственно игнорирование требований общественного правосознания при построении и применении уголовно-правовых санкций вряд ли способствует эффективности уголовного закона⁸.

Не менее сложен, как справедливо отмечает С.В. Максимов, механизм сдерживания на уровне индивидуума. Автор пишет: «Ни одному из известных исследований не удалось показать, что именно страх перед наказанием, актуализация моральной нормы поведения или привычки поступать в соответствии с законом выступили причиной несовершенства даже отдельного преступления. Установленным можно считать лишь то, что... границы осознания не соответствуют подлинному значению общепредупредительного воздействия. Часть этого эффекта имеет бессознательный характер, что расширяет рамки, ограниченные сознанием. Другая часть является ошибкой в интерпретации символов общего предупреждения (тюрьма, смертная казнь, поимка преступника и т.д.) и их определяющих характеристик (суровость и неотвратимость ответственности). Иначе говоря, человек нередко ошибается в оценке тех или иных символов удержания как обстоятельств, не позволивших ему совершить преступление, что сужает поле предупредительного эффекта»⁹.

Далее следует отметить, что исследователь любой социальной проблемы, рано или поздно сталкивается с

необходимостью количественной и/или качественной оценки того или иного феномена. Видимо, и проблема оценки эффективности уголовно-правовых средств воздействия не является исключением.

Количественная оценка социальной эффективности норм уголовного закона возможна тогда, когда при определении ряда основных параметров социальной эффективности используется показатели, свидетельствующие о фактическом достижении нужного эффекта благодаря действию определенного набора уголовно-правовых норм. В данном случае речь идет о соотношении между фактически достигнутым, действительным результатом и той непосредственной, ближайшей целью, для достижения которой были приняты соответствующие нормы. Здесь непосредственная, основная цель правовых норм является эталоном оценки их эффективности.

Сопоставляя непосредственные цели норм уголовного закона с фактическим результатом их действия, можно количественно, математически измерить их эффективность. Соответственно полученный количественный математический результат может быть как положительным, так и отрицательным¹⁰.

На практике довольно широко применяется способ определения эффективности норм уголовного права по динамике отдельных видов преступлений, объему возмещения материального ущерба, числу судимостей и по рецидиву. Действительно, если предположить, что правоохранная задача социально обусловлена, она достаточно точно сформулирована при конструировании нормы и что без этой нормы указанная задача не может быть достигнута, то в этом случае степень эффективности правового регулирования будет зависеть от того, насколько эта норма точно соблюдается и насколько достигается неотвратимость ответственности при ее нарушении. При налаженном учете регистрируемых преступлений можно оперировать более или менее точными данными (в абсолютном или процентном отношении) и таким образом определять результативность соответствующей дефиниции.

Подобные вычисления применяются в практике правоохранительных органов. В сочетании с анализом конкретных причин преступности они помогают совершенствовать уголовное законодательство и устранять причины и условия, способствующие совершению преступлений.

Соответствующий анализ может и должен осуществляться в качестве первоначального этапа при из-

⁸ См.: Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. – Л., 1976. – С. 61.

⁹ См.: Максимов С.В. Эффективность общего предупреждения преступлений. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – 132 с.

¹⁰ См.: Солонин А.Ю. Философско-правовое наполнение концепции эффективного противодействия преступности / Под ред. В.И. Белослудцева. – М., 2009. – С. 143.

учении эффективности норм уголовного права. Вместе с тем, картина данного феномена не будет достаточно полной без последовательного исследования влияния социальных факторов. И как уже было отмечено ранее, вычленив удельный вес действия именно нормы уголовного права практически не представляется возможным. Основная сложность здесь кроется в том, что социальная эффективность не исчерпывается измерением фактической эффективности. Очевидно, качественная оценка может базироваться в данном случае на субъективном представлении населения о том, насколько действующему уголовному закону свойственна *неотвратимость* наказания. При этом вполне понятно, что соответствующая оценка может достаточно в больших пределах отличаться от существующих реалитетов. И здесь, в первую очередь, включаются механизмы социальной психологии, приобретающие очертания в зависимости от эффективности факторов непосредственного воздействия на население, а именно: общей социально-экономической ситуации в регионе и в стране в целом; интенсивности и содержательности публикаций в средствах массовой информации и всемирной сети Интернет, освещающих соответствующую работу правоохранительных органов; компактности или напротив разобщенности населения, проживающего на определенной территории.

Последний, из числа перечисленных источников, определяющих субъективное представление населения об эффективности норм уголовного закона, по всей видимости, требует некоторых пояснений. В данном случае из социальной психологии хорошо известно, что мнение населения формируется во многом благодаря межличностному общению. В крупных городах, как известно, такое общение ограничивается местом жительства, работы, и учебы. Основным объемом информации населением о преступности и результатах борьбы с ней поглощается из публикаций СМИ. В сельской же местности источником абсорбции такой информации, в основном, является межличностное общение.

Для характеристики эффективности норм уголовного закона с качественной стороны используют, наряду с фактической эффективностью, и некоторые другие критерии, в частности, — обоснованность и целесообразность, полезность и экономичность.

Обоснованность и целесообразность — это условия и требования, осуществление которых необходимо для того, чтобы нормы права достигали высокого положительного результата в процессе регулирования. Чем обоснованнее и целесообразнее содержание правовых норм, тем более они эффективны. Эта сторона оценки социальной эффективности касается пре-

жде всего правотворчества — какова степень научной обоснованности норм, их соответствия потребностям общественного развития, своевременность их издания; степень учета общественного мнения; учтены ли законодателем все возможные последствия разрабатываемых норм и т.д.

Экономичность — это эффективность (полезность) юридических норм, которая определяется с учетом количества затраченной на всех стадиях механизма уголовно-правового регулирования материальных средств, человеческой энергии, времени, а также иных показателей.

Одним из важных общих показателей социальной эффективности уголовного закона являются результативность работы правоприменительных и правоохранительных органов, состояние правоприменительной практики, выявленные в ней недостатки и трудности в решении юридических вопросов, фактические возможности юридических органов в их преодолении.

Проблема эффективности права рассматривается и с сугубо юридической стороны, как результативность самой юридической формы. С этой точки зрения представляет особый интерес ответ на вопрос, какова действенность, результативность всей совокупности уголовно-правовых средств, включенных в механизм противодействия отклоняющегося поведения, насколько эффективны те или иные меры регулирования, используемые в данном случае.

Таким образом, измерение социальной эффективности норм уголовного закона должно, прежде всего, исходить из его качественных оценок.

Данные, получаемые в результате изучения эффективности норм уголовного закона, являются основой для его дальнейшего совершенствования. По своему значению эти данные служат важнейшим каналом обратной связи между законодательством и практикой его применения.

Задача определения эффективности той или иной уголовно-правовой нормы может быть решена еще на стадии ее разработки. Для этого нередко прибегают к ее экспертной оценке. Цель такой оценки заключается в выработке оптимальной, наиболее эффективной конструкции соответствующей нормы.

Большинство рассматриваемых уголовно-правовых концепций эффективности сводятся к тому, что отдельные нормы уголовного закона совместно с иными социальными факторами воздействуют на общественные отношения. Индивид, как участник соответствующих отношений, «взвешивает» все ожидаемые внешние издержки своего будущего поведения и после этого принимает один из возможных вариантов. Видимо, именно такой опосредованный характер ме-

ханизма уголовно-правового воздействия несет в себе определенный социальный эффект. Та его часть, которая причинно связана именно с нормами уголовного закона, может быть выявлена посредством сравнения достигнутого совокупного эффекта с содержащейся в ней целью. При этом далеко не все нормы уголовного закона обладают позитивным потенциалом. Как показывает практика, отдельные уголовно-правовые нормы могут препятствовать достижению желаемого результата. В качестве иллюстрации негативных последствий применения отдельных уголовно-правовых норм можно упомянуть ст. 193 УК РФ (Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте).

Дело в том, что указанная норма, с одной стороны, сконструирована, по сути, на принципах объективного вменения, а с другой — уводит правоприменителя (например, следователя, дознавателя или судью) от необходимости в каждом конкретном случае устанавливать правовую природу невозвращения денежных средств из-за границы. Чаще всего такое невозвращение связано с обычным хищением денежных средств, уходом от налогов или таможенных платежей. При этом санкции за указанные деяния предусматриваются значительно выше, чем по ст. 193 УК РФ¹¹.

Весьма важно в практическом отношении деление социальных и иных факторов на две группы в зависимости от того, входит или нет непосредственное воздействие на них в содержание уголовной политики. Государственные органы и соответствующих должностных лиц интересуют, прежде всего, те социальные и иные условия, на которые они в состоянии воздействовать в целях повышения эффективности борьбы с преступностью. Другие условия воспринимаются как независимые от субъектов обеспечения общественной безопасности (социальная структура общества, уровень экономики и т.д.).

Таким образом, формирование и совершенствование системы правовых норм, направленных на борьбу с преступностью, реализует деятельность субъектов обеспечения общественной безопасности в части должного, желаемого государственной властью, порядка в сфере борьбы с преступностью. Очевидно, что объективные потребности общества в нормативном обеспечении эффективной борьбы с преступностью

не могут автоматически найти адекватное отражение в содержании программной части уголовной политики в сфере обеспечения общественной безопасности и в системе соответствующих правовых норм.

Система норм, находящихся в арсенале уголовно-правовых средств воздействия на преступность, может быть разделена на следующие группы:

- 1) нормы, определяющие круг общественно опасных деяний, признающихся преступными;
- 2) нормы, отражающие содержание уголовно-правовых средств борьбы с этими деяниями;
- 3) нормы, регламентирующие основания и условия применения названных средств;
- 4) нормы, определяющие процессуальный порядок применения уголовно-правовых средств борьбы с преступностью;
- 5) нормы, определяющие систему правоохранительных органов, осуществляющих уголовно-правовое воздействие на преступность, их компетенцию и порядок взаимодействия.

Как следует из представленной классификации норм, прежде всего, должен быть определен круг общественно опасных деяний, признаваемых преступными. Соответственно преступными закон должен призвать лишь те общественно опасные деяния, эффективная борьба с которыми может оказаться невозможной без применения уголовной ответственности за их совершение¹². В данном случае, нельзя не обратить внимание на тот факт, что эффективность борьбы с преступностью зависит не только от устранения пробелов в уголовном законе, но и от преодоления излишней криминализации общественно опасных деяний.

Особую значимость приобретают такие средства уголовно-правового воздействия на преступность, которые:

- а) реализуют уголовную ответственность за преступления,
- б) подчинены целям предупреждения (пропаганда уголовного законодательства, официальное предостережение потенциальных правонарушителей, побуждение правонарушителей к добровольному отказу от завершения начатого преступления, побуждение правонарушителей к деятельному раскаянию, содействие социальной адаптации лиц, отбывших наказание) и пресечения преступлений (необходимая оборона, задержание преступника, привлечение к уголовной ответственности за покушение на преступление или приготовление к нему, своевременная реализация

¹¹ См.: Белослудцев В.И., Красников С.В., Солонин А.Ю. К вопросу об эффективности уголовно-правового воздействия // Вестник РГАЗУ 2008. Вып. 3: Электронное научное издание. — М., 2008. № 0420800045\0083; Белослудцев В.И., Солонин А.Ю. О социальных аспектах повышения эффективности уголовно-правового воздействия // Инновационные процессы в российском праве, экономике и исторической науке. Часть 1. Право / Ред. Н.В. Сычева. — Шадринск, 2009. — С. 38.

¹² См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. — М., 1983. — С. 91.

ответственности за менее тяжкие преступления для предупреждения более тяжких).

Применение уголовно-правовых мер, как правило, включает социально-правовую оценку реакции правонарушителей и иных адресатов на уголовно-правовое воздействие, а также иных последствий воздействия. Уголовно-правовое воздействие влечет за собой либо положительные, соответствующие целям закона, либо отрицательные результаты. С большинством из них закон связывает определенные последствия (например, освобождение лица от уголовной ответственности в силу добровольного отказа от завершения начатого преступления, отмена отсрочки приговора за нарушение осужденным возложенных на него обязанностей, приостановление производства по делу за нерозыском подозреваемого и т.д.).

Какими будут результаты применения уголовно-правовых мер — положительными или отрицательными, — зависит не только от деятельности должностных лиц правоохранительных органов, но и от психологических и иных особенностей личности адресатов воздействия — субъекта преступлений и иных граждан. Эти особенности, сформированные обществом и малыми группами, в которые включены адресаты воздействия, разнообразны как по содержанию, так и по влиянию (положительному или отрицательному) на результаты уголовно-правового воздействия. И если они могут быть использованы в целях повышения эффективности уголовно-правовых мер, то должны стать объектом анализа.

Определение эффективности (результативности) уголовно-правовой борьбы с преступностью предпола-

гает сопоставление деятельности правоохранительных органов с теми изменениями, которые корреспондируют с криминогенной ситуацией. Не существует прямой, непосредственной зависимости названных явлений. Эти изменения — результат взаимодействия всей массы факторов, влияющих на преступность, и вычлнить долю влияния уголовно-правового воздействия практически невозможно. Поэтому представление об эффективности уголовно-правового воздействия можно составить лишь по корреляции эмпирических показателей уголовно-правового воздействия и изменений в преступности, если такая корреляция не искажена действием каких-либо кризисных социальных явлений. Для этого необходимо определять эффективность применительно к отдельным институциональным целям уголовно-правовых мер и в отношении отдельных структурных элементов преступности на основе соотношений соответствующих статистических данных за длительный период времени (не менее пяти лет).

По ряду причин оценка эффективности уголовно-правового воздействия на преступность даже применительно к основополагающим целям¹³ будет приближительной (из-за сложности механизма воздействия, невозможности количественной оценки некоторых ее элементов, неполноты и недостоверности части статистической информации и т.п.). Однако она позволит выяснить, все ли возможные уголовно-правовые меры применяются обществом и государством, насколько активно и умело они используются, а также в какой мере соответствуют задачам эффективной борьбы с преступностью в сложившихся социальных и иных условиях.

Библиографический список:

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. — М., 1966.
2. Белослудцев В.И. и др. Проблемы социализации и организации профилактики преступлений воспитанников детских домов, школ-интернатов и воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных: Научно-практич. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2000.
3. Белослудцев В.И. Особенности уголовного наказания в виде длительных сроков лишения свободы // Уголовное право РФ. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. В.П. Ревина, Р.А. Базарова. — Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2003.
4. Белослудцев В.И., Красников С.В., Солонин А.Ю. К вопросу об эффективности уголовно-правового воздействия // Вестник РГАЗУ 2008. Выпуск 3: Электронное научное издание. — М.: ФГОУ ВПО РГАЗУ, ФГУП НТЦ «Информрегистр», 2008. № 0420800045\0083
5. Белослудцев В.И., Солонин А.Ю. О социальных аспектах повышения эффективности уголовно-правового воздействия // Инновационные процессы в российском праве, экономике и исторической науке: Сб. мате-

¹³ Определение эффективности уголовно-правовой борьбы с преступностью применительно к неинституциональным целям (не поддающимся конкретизации до уровня количественно измеряемых явлений) возможно лишь на основе экспертных оценок и общественного мнения.

риалов Международной научно-практической конференции 13 марта 2009 г. В 2-х частях. Ч. 1. Право / Ред. Н.В. Сычева. — Шадринск: ГОУ ВПО ШГПИ, 2009.

6. Власенко Н.А. Язык права. — Иркутск, 1997.
7. Гришанин П.Ф. Механизм уголовно-правовой борьбы с преступностью // Труды Академии МВД РФ, 1997.
8. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. — М., 1983.
9. Максимов С.В. Эффективность общего предупреждения преступлений. — М.: Академия МВД РФ, 1992.
10. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. — Л., 1976.
11. Солонин А.Ю. Философско-правовое наполнение концепции эффективного противодействия преступности: Монография / Под науч. ред. В.И. Белослудцева. — М.: ФГОУ ВПО РГАЗУ, 2009.
12. Шабалин В.А. Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. — 1969. — № 10.

References (transliteration):

1. Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom obshchestve. — М., 1966.
2. Belosludtsev V.I. i dr. Problemy sotsializatsii i organizatsii profilaktiki prestupleniy vospitannikov detskikh domov, shkol-internatov i vospitatel'nykh koloniy dlya nesovershennoletnikh osuzhden-nykh: Nauchno-praktich. posobie. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2000.
3. Belosludtsev V.I. Osobennosti ugovnogo nakazaniya v vide dlitel'nykh srokov lisheniya svobody//Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chast': Uchebnik/Pod red. V.P. Revina, R.A. Bazarova. — Chelya-binsk: Chelyabinskii yurid. in-t MVD Rossii, 2003.
4. Belosludtsev V.I., Krasnikov S.V., Solonin A.Yu. K voprosu ob effektivnosti ugovno-pravovogo vozdeystviya//Vestnik RGAZU 2008. Vypusk 3: Elektronnoe nauchnoe izdanie. — М.: FGOU VPO RGAZU, FGUP NTTs «Informregistr», 2008. № 0420800045 {bibliography}083
5. Belosludtsev V.I., Solonin A.Yu. O sotsial'nykh aspektakh povysheniya effektivnosti ugovno-pravovogo vozdeystviya // Innovatsionnye protsessy v rossiyskom prave, ekonomike i istoricheskoy nauke: Sb. materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 13 marta 2009 g. V 2-kh chastyakh. Chast' 1. Pravo / Red. N.V. Sycheva. — Shadrinsk: GOU VPO ShGPI, 2009.
6. Vlasenko N.A. Yazyk prava. — Irkutsk, 1997.
7. Grishanin P.F. Mekhanizm ugovno-pravovoy bor'by s prestupnost'yu // Trudy Akademii MVD RF, 1997.
8. Kogan V.M. Sotsial'nyy mekhanizm ugovno-pravovogo vozdeystviya. — М., 1983.
9. Maksimov S.V. Effektivnost' obshchego preduprezhdeniya prestupleniy. — М.: Akademiya MVD RF, 1992.
10. Osipov P.P. Teoreticheskie osnovy postroeniya i primeneniya ugovno-pravovykh sanktsiy. — Л., 1976.
11. Solonin A.Yu. Filosofsko-pravovoe napolnenie kontseptsii effek-tivnogo protivodeystviya prestupnosti: Monografiya / Pod nauch. red. V.I. Belosludtseva. — М.: FGOU VPO RGAZU, 2009.
12. Shabalin V.A. Sistemnyy analiz mekhanizma pravovogo reguli-rovaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1969. — № 10.